

на применение к ним символических наказаний, не связанных с лишением свободы, в случае совершения ими ненасильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних при разнице в возрасте между ними в четыре года.

А. Г. Безверхов

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ В СОСТАВЕ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Из дореволюционной истории вопроса. «Корыстная цель» в качестве обязательного признака всех форм хищения чужого имущества была впервые закреплена в отечественном уголовном законодательстве конца XX в.

Законы царского периода не называли корыстную цель как конструктивный признак хищения (в то время — «похищение»). В статье 1626 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) читаем: «похищение чужого имущества, смотря по видам сего преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, признается разбоем, грабежом, кражей или мошенничеством». Согласно ст. 1644 этого законодательного акта «кражей признается всякое, каким бы то ни было образом, но в тайне, без насилия, угроз и вообще принадлежащих к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». Без указания на корыстную цель определялось в этом Уложении и мошенничество-похищение: «мошенничеством признается всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 1665).

В соответствии со ст. 581 Уголовного уложения 1903 г. под воровством понималось виновное похищение, тайно или открыто, чужого движимого имущества, в целях присвоения. По этому Уложению цель присвоения являлась обязательным признаком и мошенничества как похищения посредством обмана чужого движимого имущества (ст. 591), и разбоя как похищения чужого движимого имущества посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы (ст. 589).

Следует подчеркнуть, что дореволюционной доктрине была известна категория «цель присвоения», которая использовалась при построении теоретических конструкций и моделей составов похищения в трудах исследователей того периода. По этому вопросу А. Н. Круглевский писал: «В русском праве положение о необходимости цели присвоения для со-

става похищения является „положением права, принятых в науке мнений”¹. Вместе с тем при толковании положений уголовного закона цель присвоения нередко отождествлялась с корыстной целью. «Цель присвоения есть цель корыстная в обширном смысле *animus rem sibi habendi*; необходимо, чтобы виновный похищал чужое имущество для обращения его в свою собственность или для распоряжения им как собственным, чтобы таким образом сфера ценностей виновного увеличивалась, хотя бы на короткое время (напр., до отдачи другому), чужой ценностью без соответствующего эквивалента, т. е. безвозмездно. В таком безвозмездном расширении имущества виновного за счет потерпевшего заключается характерный признак всех корыстных против чужого имущества посягательств, между ними и похищения»².

Из положений советского законодательства. В УК РСФСР 1922 г. сохранились определения трех форм похищения (кражи, грабежа и разбоя) без упоминания о корыстной цели. Согласно ст. 180 этого УК под кражей понималось тайное похищение чужого имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения.

В главе VI «Имущественные преступления» данного закона присутствовала категория «корыстная цель». Она использовалась при характеристике следующих преступлений, не относящихся по этому УК к формам похищения: присвоения и растраты (ст. 185), мошенничества (ст. 187), подделки (ст. 189), фальсификации (ст. 190), самовольного пользования чужим изобретением или привилегией (ст. 198). Так, в ст. 187 УК РСФСР 1922 г. мошенничество определялось как получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана.

Аналогичный подход имел место в УК РСФСР 1926 г., с одной лишь разницей. Здесь корыстная цель указывалась в качестве обязательного признака следующих имущественных преступлений, также не относящихся к формам похищения: присвоения и растраты (ст. 168), подделки (ст. 170), фальсификации (ст. 171). Согласно ст. 168 УК РСФСР 1926 г. под присвоением понималось удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели.

¹ Круглевский А. Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб., 1913. С. 148.

² Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями министерства Юстиции в Государственный Совет и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 855.

УК РСФСР 1960 г. не упоминает о корыстной цели в главе 5 «Преступления против личной собственности граждан» и в первоначальной редакции указывает на нее лишь в одной статье главы 2 «Преступления против социалистической собственности». Это статья 92 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением», она предусматривала корыстную цель в составе лишь «должностного» хищения чужого имущества. Названное в ст. 92 преступление определялось так: «завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением».

Как известно, впервые общее понятие хищения чужого имущества было определено в Федеральном законе от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»³. Этим законом легальная дефиниция хищения была закреплена в п. 1 примечаний к ст. 144 УК РСФСР 1960 г. В качестве его обязательного признака законодателем была названа корыстная цель. В УК РФ 1996 г. дается аналогичное прежнему определение понятия хищения с некоторыми терминологическими уточнениями: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу имущества» (курсив мой. — А. Б.).

Об объеме понятия «корыстная цель». В уголовном праве России «корыстная цель» трактуется по-разному: как ограничительно, так и расширительно. Сторонники узкого толкования корыстной цели отталкиваются от лексического значения слова «корысть». В русском языке под корыстью понимается стремление к личной выгоде, наживе, приобретению, страсть к богатству, жадность к деньгам, а также материальная польза, барыш. В строгом смысле слова, корысть есть мотив поведения, выражающийся в стремлении лица к получению имущественной выгоды в свою пользу. В науке уголовного права высказано мнение: наличие корыстной цели указывает на то, что виновный действует из корыстных побуждений, ради удовлетворения своих собственных материальных потребностей⁴.

³ *Собрание законодательства Российской Федерации.* 1994. № 10, ст. 1109.

⁴ *Жижиленко А. А.* Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. С. 47; *Склярков С. В.* Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // *Гос-во и право.* 1997. № 9. С. 67.

Несколько расширял объем понятия корыстной цели Г. А. Кригер. Он допускал обогащение в результате хищения других лиц, круг которых между тем строго ограничивал. Ученый писал, что при передаче имущества третьим лицам «виновный либо намеревается извлечь материальную выгоду путем последующего получения определенной части переданного имущества от третьих лиц либо его корыстные устремления удовлетворяются незаконным обогащением таких лиц, в судьбе которых преступник лично заинтересован (родственники, иждивенцы, друзья и т. п.)»⁵.

В современном уголовном праве России такого подхода придерживался Б. В. Волженкин. По его мнению, «корыстная цель имеет место, если чужое имущество незаконно и безвозмездно изымалось и (или) обращалось: 1) в пользу виновного; 2) в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения»⁶. По сути, об этом же говорит Н. А. Лопашенко, несколько конкретизируя и уточняя соответствующий круг лиц: «Корыстная цель в хищении налицо, если виновный: 1) стремится к личному обогащению; 2) стремится к обогащению людей, с которыми его связывают личные отношения; 3) стремится к обогащению соучастников хищения; 4) стремится к обогащению людей, с которыми он состоит в имущественных отношениях»⁷. А. И. Бойцов, характеризуя анализируемый субъективный признак, указывает на возможное обогащение как физических, так и юридических лиц, тем самым еще более увеличивая логический объем рассматриваемого понятия. Он пишет, что «корыстная цель заключается в стремлении виновного к обогащению: а) лично себя; б) близких для него физических лиц, в улучшении материального положения которых он заинтересован; в) юридических лиц, с функционированием которых напрямую связано его материальное благополучие; г) любых других лиц, действующих с ним в соучастии»⁸.

Сторонники расширительного толкования корыстной цели считают, что хищение чужого имущества влечет уголовную ответственность независимо от того, кто неправомерно обогатился или незаконно получил имущественную выгоду в результате его совершения — сам виновный или

⁵ Курс советского уголовного права: преступления против личности и ее прав : в 6 т. : Часть Особенная. М., 1975. Т. 5. С. 175.

⁶ Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 153.

⁷ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности : теор.-приклад. исслед. М., 2005. С. 231.

⁸ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. III : Преступления в сфере экономики. С. 102.

другие лица (его соучастники, близкие ему люди либо иные физические лица, а равно юридические лица, что осознается субъектом преступления). Так, по мнению С. А. Тарарухина, законодатель не имел в виду, что хищение обязательно связано с непосредственным обогащением виновного; корыстную цель при хищении следует понимать не только как личную заинтересованность виновного, а в более широком смысле — как изъятие и обращение чужого имущества в пользу свою или других лиц⁹. Г. Н. Борзенков указывал: «Корыстная цель при хищении предполагает стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица. Корыстная цель в хищении реализуется как получение фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным»¹⁰.

Вероятно, в уголовном праве определение корыстной цели хищения чужого имущества должно выходить за рамки понятия удовлетворения собственных материальных потребностей, т. е. получить более широкое понимание. Это обосновывается тем, что общественно опасные корыстные устремления проявляются и получают распространение в обществе независимо от того, получена ли имущественная выгода лично преступником или третьими лицами, находящимися или не находящимися с последним в каких-либо отношениях. С юридической точки зрения корыстная цель должна указывать на то обстоятельство, что в результате совершенного хищения кто-либо из физических или юридических лиц незаконно обогатился, и это обстоятельство осознается виновным. Из широкого понимания корыстной цели не следует, что любое умышленное причинение материального ущерба составляет хищение или иное корыстное имущественное посягательство. Нет оснований квалифицировать содеянное как хищение в случаях завладения чужим имуществом в целях его повреждения или уничтожения либо самовольного использования в интересах собственника или владельца, из хулиганских побуждений, в шутку, из озорства, из чувства мести, в счет погашения долга, лежащего на собственнике этого имущества, или для возмещения причиненного собственником имущества ущерба, в целях склонить потерпевшего к возврату долга или принудить его к выполнению взятого на себя обязательства. Очевидно, что во всех указанных случаях корыстная цель отсутствует.

⁹ Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974. С. 95.

¹⁰ Курс уголовного права: Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова : в 5 т. М., 2002. Т. 3. С. 417.

По мнению А. И. Рарога, широкая трактовка корысти противоречит взглядам законодательной и судебной власти¹¹. Между тем расширительное понимание корыстной цели следует из действующего УК РФ, который не утверждает, что хищение совершается в целях личной наживы или из личной заинтересованности. В примечании 1 к ст. 158 УК РФ указывается, что хищение заключается в изъятии и (или) обращении чужого имущества *в пользу виновного или других лиц*. Что касается правоприменительной практики, то в соответствии с п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» под корыстной целью следует понимать стремление виновного изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться данным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц.

Конечно, прав С. А. Елисеев, указывая на несовершенство определения понятия корыстной цели в вышеприведенном источнике судебной власти¹². Упрек можно адресовать и законодателю, использующему спорную и многозначную категорию.

Однако зададимся вопросом: какую более удачную юридическую терминологию можно задействовать, чтобы одновременно подчеркнуть (1) особенности конструкции состава хищения чужого имущества по признакам объективной стороны, (2) момент окончания этого преступления, (3) реальный характер причиненного имущественного ущерба, (4) безвозмездность этого деяния, (5) наличие только прямого умысла и пр.?

Корыстная цель и мотив: юридико-технические вопросы соотношения. Возвращаясь к проблеме юридической конструкции «корыстная цель», замечу следующее. Цель преступления — это представление (предвосхищение) лица о желаемом результате, к достижению которого это лицо стремится и который им ожидается вследствие совершения общественно опасных действий (бездействия)¹³.

¹¹ *Энциклопедия уголовного права* : в 35 т. СПб., 2005. Т. 4 : Состав преступления. С. 761.

¹² Елисеев С. А. Дискуссионная трактовка вопросов квалификации мошенничества, присвоения и растраты в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. // *Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты* : мат-лы III Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 226.

¹³ По мнению А. И. Рарога, цель преступления — это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к которому стремится правонарушитель посредством совершения преступления (*Энциклопедия уголовного права*. Т. 4 : Состав преступления. С. 747).

При определении цели в тексте уголовного закона обычно указывается на какое-либо действие (бездействие), например, «в целях скрыть другое преступление» (ч. 2 ст. 105 УК РФ), «в целях сбыта» (ч. 1 ст. 186 УК РФ), «в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам» (ч. 1 ст. 201 УК РФ).

Как видно, из этого правила есть исключение — указание в законодательном определении понятия хищения чужого имущества на корыстную цель (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Очевидно, что здесь акцент сдвинут с поведенческой в сторону мотивационной формы преступного деяния.

Известно, что цель преступления — факультативный признак его субъективной стороны. В предусмотренных законом случаях она является обязательным признаком субъективной стороны определенного вида преступлений. В этом качестве цель неразрывно связана с другими признаками уголовно наказуемого правонарушения, характеризующими элементы его состава (объект, объективную и субъективную стороны). Так, цель хищения (ст. 162 УК РФ) свидетельствует о том, что данное преступление является предметным, и предметом его выступает чужое имущество. Цель влияет на конструкцию состава преступления по признакам объективной стороны, уточняет момент окончания преступного посягательства. Равным образом, как и наоборот, наличие или отсутствие общественно опасных последствий определяет содержание цели.

Замечено также, что строго определенные отношения складываются между целью и другими признаками субъективной стороны. В отечественной доктрине констатируется, что указание законодателя в статье Особенной части УК РФ на цель преступления означает, что это преступление может быть совершено только с прямым умыслом¹⁴. Разграничивая цель и мотив преступления, Б. С. Волков писал: «Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает те или иные действия, цель определяет направление деятельности». Мотив предшествует цели и детерминирует последнюю. Вместе с тем этот ученый указывал, что «цель не возникает без мотива, но, с другой стороны, мотив, как и весь волевой процесс, получает свое содержание благодаря цели, вследствие той конкретной деятельности, в которой эта цель находит свое воплощение»¹⁵. Мотив как осознанная потребность — фундамент (основа), на котором возникает цель. Важно обращать внимание на связь между целями и мотивами преступлений. Так, «совершение преступления по корыстным мотивам всег-

¹⁴ См., напр.: *Курс уголовного права: Общая часть : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой.* М., 1999. Т. 1 : Учение о преступлении. С. 345.

¹⁵ *Волков Б. С. Мотивы преступлений.* Казань, 1982. С. 7.

да преследует цель извлечения материальной выгоды или избавления от материальных затрат»¹⁶.

Как усматривается из п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», корыстная заинтересованность есть стремление путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера.

С учетом вышеизложенного предлагается для обсуждения положение о возможном применении в законодательном определении понятия хищения чужого имущества таких юридических категорий, как «корыстная заинтересованность» или «корыстные побуждения».

О степени общественной опасности корыстного поведения. Как известно, корыстные преступления против собственности (ст. ст. 158–165 УК РФ) сопряжены с незаконным извлечением имущественных выгод и, соответственно, одновременно состоят в умышленном причинении или угрозе причинения имущественного ущерба. Нормативные положения об этих посягательствах размещены в главе 21 УК РФ на первом месте. Это обосновывается тем, что названные деяния признаются законодателем более общественно опасными, чем некорыстные преступления против собственности (ст. ст. 166–168 УК РФ).

Подчеркнем, что такой законодательный подход используется и при дифференциации уголовной ответственности за корыстные и некорыстные преступления, посягающие на иные правоохраняемые объекты. Например, отдельные виды получения взятки влекут более высокие сроки лишения свободы, чем насильственные служебные преступления. Согласно ч. 3 ст. 286 УК РФ превышение должностных полномочий с применением насилия, оружия или специальных средств наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет, а получение взятки в особо крупном размере в соответствии с ч. 6 ст. 290 УК РФ — до 15 лет; получается, что корыстное поведение в сфере служебных отношений признается даже более опасным, чем насильственное.

Между тем стремление к личной выгоде — неотчуждаемое право каждого участника рыночной экономики. Это естественный мотив экономического поведения в условиях действия рыночных закономерностей. Рыночная экономика на всех уровнях и во всех сферах построена на принципе экономической заинтересованности, выгоды экономических поступков. Поведение вопреки своей экономической выгоде является для рынка нетипичным. Таким образом, цель экономического

¹⁶ Энциклопедия уголовного права Т. 4 : Состав преступления. С. 736.

поведения — достижение максимально возможной выгоды. Обеспечение возможности максимальной выгоды — одно из требований к механизму социального регулирования рыночной экономики.

С юридической точки зрения данное положение означает, что проблема правовой оценки рыночного экономического поведения смещается с субъективной стороны в сторону объективную — способов и средств достижения указанной цели. Рост мотивации личной выгоды в легальном секторе рыночной экономики и, соответственно, признание личного интереса основным мотивом и регулятором экономического поведения, а максимизации личных доходов (прибыли) — правилом экономической деятельности частных лиц и организаций обуславливают снижение уровня опасности корыстного поведения в сфере теневой экономики.

С учетом рыночных экономических реалий законодателю не следует признавать корыстный характер хищений чужого имущества и других преступлений против собственности обстоятельством, усиливающим уголовную ответственность, и устанавливать более строгое уголовное наказание за имущественные посягательства на основании исключительно корыстной мотивации и целенаправленности последних. Стремление извлечь выгоду материального характера в сфере экономики не является низменным мотивом. Оно приобретает нетерпимый характер при преступных посягательствах на интересы личности, государственной власти, мира и безопасности человечества.

Новая экономическая парадигма, отражающая связь собственности с ограниченностью ресурсов социума, не дает достаточных оснований для оценки корыстных и некорыстных имущественных посягательств как противоправных деяний, существенно различающихся по уровню общественной опасности и вредоносности. Для экономической системы, основными целями функционирования которой являются предупреждение истощения необходимых для жизнедеятельности людей ограниченных ресурсов путем наиболее эффективного их производства, распределения и обмена, представляют одинаковую опасность как корыстные правонарушения, так и противоправные посягательства, не связанные с обогащением виновного или других лиц. Для участников хозяйственной деятельности и экономических процессов не имеет принципиального значения, корыстный или некорыстный характер носят посягательства на их экономические права и охраняемые законом имущественные интересы.

Наконец, понимание объекта имущественных правонарушений как отношений собственности по обеспечению оптимального удовлетворения потребностей людей при рациональном использовании экономических

благ также не определяет более высокий уровень опасности корыстных имущественных посягательств по сравнению с нарушениями отношений собственности, не связанными с получением материальных выгод.

Л. В. Готчина

О САНКЦИЯХ СТАТЕЙ 228–234¹ УК РФ

Среди проблем российского общества по-прежнему следует назвать наркоугрозу.

Обострение внешнеполитической ситуации, увеличение числа социальных проблем выступают сегодня в качестве факторов, отвлекающих от наркоугрозы. Однако недооценивать ее нельзя. Эффективное противодействие наркопреступности возможно лишь при оптимальном соотношении репрессивного механизма, степени ужесточения нормативных правовых норм и реальной оценки наркоситуации в России.

Анализируя ст. ст. 228–234¹ УК РФ, приходим к выводу о необходимости корректировки их санкций. При этом отметим, что ужесточение уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков не снижает значительно уровня наркопреступности, вызывая среди ряда специалистов непонимание.

Так, ч. 3 ст. 228 УК РФ предусматривает основное наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 15 лет, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ — пожизненное лишение свободы, ч. 4 ст. 229 УК РФ — лишение свободы сроком от 15 до 20 лет, ч. 4 ст. 229¹ — пожизненное лишение свободы. Для сравнения: санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ — лишение свободы на срок от 6 до 15 лет. Из этого можно сделать вывод, что жизнь человека сегодня представляет наименьшую ценность.

Обращение к международным документам дает некоторые разъяснения по поводу назначения наказания. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹, принятая 4 ноября 1950 г., в ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» закрепила условия лишения свободы. В соответствии с п. 1е оно может применяться как «законное заключение под стражу лиц в целях предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг».

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2, ст. 163.